

Per. 277 d (1861, 1)

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКИЙ ЛITERATURNO-УЧЕНЫЙ

ВѢСТИНИКЪ

«Добра хощо братъи и Русьскыи Земли..
Владимиръ Мономахъ.

1861

ЯНВАРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. А. КУДРИША.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился быть Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностю жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зернъ русскаго государственного строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единодержавное тѣло, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохрания каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Это начало федераціи не представляется въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насилиственнымъ сплошечіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скораго образованія изъ себя единодержавного тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разновидны, чтобы скоро слиться въ одинъ народъ; самое то племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенные племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе — пришлые; въ языке, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отлики, которыхъ препятствовали ихъ скорому слиянію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одни только мѣстами нового ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительныаго времени, привычками, преданіями и своеобразными приемами быта. Достаточно указать на описание Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. «Полине бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнъ къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнъ имѣху; брачные обычай имаху: не хощаше зять по невѣсту, по приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по ней чтó вдадуче. А Древлине живаху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотъски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкаху уводы дѣвница.» (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятчи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственный завѣтный преданія, которыхъ были чужды другимъ Славяно-русскимъ племенамъ и имъ самимъ не давали смыкаться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятчей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятчей, лѣтоисцесъ подыѣтиль особыя черты нравовъ. «И Радимичи, и Вятчи, и Сѣверъ одинъ обычай имаху: живаху въ лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отыци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища между селы. Схожаху на игрища, на пласаше, и на вся бѣсовъская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщающеся; имаху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяще трезину надъ шинъ и по семъ твораху кладу великую, и вѣложахутъ и на кладу мертвѣца и сожжаху, а посемъ собравши кости, вложаху въ судипу малу и поставяха на столпѣ на пустехъ, еже творять Вятчи и нынѣ. Си же твораху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, и твор-

»раще сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ название, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религиознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленныи народъ Тиверцевъ и Улuchей, жившій по близости къ морю, имѣть, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ иѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другое съ нимъ вѣдѣтъ. »Сѣдаху «бо по Дигѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся «зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не изчезали ни послѣ укорененія единаго княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ приштия христіанства, говорятъ, что всѣ они *и илху обычанъ свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой кравъ*, и при этомъ жалуются, что иѣкоторые, какъ, напримѣръ, Витичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйший доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали изчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытая нащаденію ион.леменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Драговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Сузdalской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ запинны и атруднителы. Дремучие лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдахъ или невѣрныхъ, или враждебныхъ, и надолго сжигался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое искашіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглѣдѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщукъ, потомка Древлянъ и наследника ихъ имени, проглядываетъ тѣль враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдуцъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣшливый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этиль имѣемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. с. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была страною волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаются иѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразличимъ масса народа, чѣмъ ужѣ кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ ужѣ у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, испривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, иерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобы въ какомъ нибудь городкѣ или окружѣ составились насыщливые разсказы о состѣяхъ и передразниванія. Такъ и теперь состѣи Псковичей и Новгородцевъ насыщливо передразниваютъ употребленіе *и* вместо *и* въ ихъ нарѣчіи, а у Одоевцевъ и Мценянъ *и* вместо *и*. Различіе въ одеждахъ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобы состѣи дали состѣямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лашевиками за то, что они постоянно ёдятъ лашу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у состѣй насыщливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подолі, третыи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотрѣть на другое какъ на особой отъ него народъ. «Что городъ, то норовъ», говорить пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событий, которые касаются вѣтшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которые выказываютъ народные права: такъ, иѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ—Сѣверский край и состѣй ему—ыштѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти нещріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кроичевъ, Карабечевъ прозываютъ ворами и сорви-головачи. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными иѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ соѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же название идеть изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыхъ раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ спасѣю и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иночлененныхъ народовъ дѣйствовали па Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманы. Но подпадали подъ чуждую власть не все Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманы, на Югѣ другіе — Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русского материка бродили кочевые опустошительныя орды, съѣдая одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Полovцы, Ятвяги препятствовали па Руси развиться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя события въ странахъ Русского міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобы это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобы она могла противодѣйствовать. Когда народности Русского материка поддавали рабству Готеовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластиами порабощенные народы, но силь къ устроенію чего-либо прочаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, недоставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, недоставало на столько, чтобы воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

нашъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали терять другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочные части, и возникъ снова прежний образъ раздѣльности, и градъ родовыхъ междуусобій, и столкновенія народовъ съ чужеземцами безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь вѣтшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобы эта вѣтшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи испровергнуть тяготѣющее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русского материка и, сдѣдовательно, не на столько, чтобы дать всему Восточно-Славянскому миру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славяне на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверные страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергического движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этой иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтоисца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ил лѣтоисецъ, ил тотъ, у кого лѣтоисецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слыхали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разсказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтоисцы, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немыслимо существовать не давая дани. Подобный понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ единородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно — не платить никому дани, потому что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельного общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ предѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Уличами, Тверцами, Древлянами, не под-

шавшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскому, но жили не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохранили болѣе своеобразности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тѣгостыне Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивлениемъ Радимичей и Вятичей противъ Киевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворного противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русские князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собирания могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не цадали на народы таогостю постояннаго управления, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вымѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, сжегодно за данью, хватали что успѣвали, для ихъ постищенія могли быть для народа недобрими днями, по днямъ короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; остававливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уезжалъ юшьши—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видать надъ собою отяготительного ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появления. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они сапшкомъ скоро распылились въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришла вражда Полянъ съ Древлянами, чтобы покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали исконны частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говорить, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говорить, что Киевскій князь примучилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а па Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами было уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи соседями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возвставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тверцевъ и Улучай, а на другомъ—Вятычей и Радимичей, которые сопротивлялись дольше другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Киеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующими, завоевательными племенемъ. И Радимичи съ Вятычами на одной сторонѣ, и Тверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательного народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобы связать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ—избрание, добровольный призывъ, здѣсь—завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльными міромъ; они не платили Киевскимъ князьямъ дани, следовательно, даже

и при условияхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радичамъ и Вятичамъ, когда эти народы отставали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазаръ, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военой славы. Въ тотъ вѣкъ было очень примачиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской натуры, скоро и легко ославились и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучай и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутреннаго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Киевѣ и тяготѣла despoticески надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное восстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дuleбы, Радимичи, Вятichi, Древляне, при какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилия отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Киева надъ народами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Киевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Киевскаго князя. Мало по малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ своеимъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлага Киевскаго Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Маль, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нечто чужое надъ собою, когда прѣѣзжалъ изъ Киева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но вскорѣне измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же единаго рода, который княжилъ въ Киевѣ, но за то изъ Киева уже не прѣѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Маль; если онъ воевалъ съ Киевомъ по своему родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ соотечественникамъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенные стихіи каждого изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія перешелли съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Вмѣстѣ съ образованіемъ стремлений, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали вынывать наружу слегка — подавленные стремленія народныхъ. Собственно князья, въ распределеніи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобы одинъ или другой изъ нихъ собратій владѣль тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлѣть своимъ дѣтьямъ волости, то говорить: одному Киевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владимѣръ, пятому Смоленскъ; а не говорить: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Велинянъ, и такъ да-лѣ. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣть съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографического сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междуусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣнили свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя местная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, иѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ, — потомъ Кривичей. Новгородцы, прозвавшие князей, какъ будто спрово-

дели ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальной Русью, подъ управлениемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, иль однимъ припадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытое существованіе и Кривичи, чо это многочисленное племя не представляло виодѣ гармоніи поземельного единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнью, подъ властію — сперва Рогволода, потомъ — потомковъ первого сына Владимира; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которая вся вмѣстѣ составляла одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали началоъ слѣпшаной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залоги собственаго самосуществованія; она не примирила къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единстве съ Новгородскою, стремясь къ отдѣльной жизни и впослѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчие Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусского къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусского къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльному укладѣ, — съ Мстислава ли Владимира, съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случаійныя

скоропреходящая, и не показывают народной зависимости от другого края. Народная жизнь шла своим путемъ, быть ли та^{къ} или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть действительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому съверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнью, отличную отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальной Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, где связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направление жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощущительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народные начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываются признаки самодѣятельности по извѣстныи намъ я^тотписныи сказаніямъ. Въ это^тть вѣкъ княжеские подѣлы и разграничения, чрезъ самое свое раздробленіе, ста^л въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ начальамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощущительнѣе, но онѣ самихъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохой соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которая сама собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабить препятствовавшія имъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которая облекались въ эти формы. Дѣленіе по княжескимъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлы своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, следовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссии, иш въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, несторонны, памѣ-

иали свои предѣлы, то здѣсь, то таmъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и все князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княжества имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльного, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выражалось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управления, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружины и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорию отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говорить яѣтописецъ: *что старѣшie здумаютъ, на толъ пригороды станутъ.* Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ сель, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля.* Въ томъ же значеніи дается это название и чуждымъ соѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новагорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всемъ зависимо отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княжеств, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоrіею, прилегавшею къ озеру, — мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посушуясь изъ соѣдней Вятской и дополнілось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русского міра на отдѣльные княжества. Эти Славянскіе пришельцы смыкались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусский народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ яѣтописи съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ся притоками, была соединена, по княжескому упра-

вленію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда попущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около которого группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣление его. Нужно только взглянуть на пристальче въ народныхъ чертахъ уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самого Чернигова: по наружнѣю, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляется средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготъ ніа къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, по народности ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тачь сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремлѣніяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобы обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древлянскій — Полѣсье, народность Полѣщуковъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобы начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означилась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучай — Подоль — принялъ образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Каршатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣти, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ большему, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной правственной связи съ Русскими міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улуччи,

Тиверцы, Хорваты, Велынняне были вѣтви очень близкия между собою, такъ что, хотя Полянъ и Велыннянъ помѣщаются въ числѣ пришедшихъ съ Дунаемъ, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Велынняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дулаю. Напротивъ, Древляне и Драговичи, пришедшие также съ Дулаемъ, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по парѣчію по образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волынцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили пародное стремление къ самобытности. Волынь и Подолье держались долже связи съ Кіевомъ, и съ Полѣщемъ, но послѣ паденія великоніжескаго достоинства въ Кіевѣ, примишли къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдоѣ этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судба южно-русскихъ вѣтвей всегда была перазрына, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоліи и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея пародное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссіи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подольемъ), Полѣсье, Волынь, Червонная Русь, при всякомъ пародномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознаніе своеї внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волынь, и Подолье, и Русь Червонную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленія части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятчи, Рязань и Сузdalъ въ отношеніи общей пародной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить название общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, несмотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

- 1) Происхожденіе, быть и языкъ.
- 2) Единый княжеский родъ.
- 3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаний въ началь нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дунаемъ. И теперь самое название »Дунай« между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя »Дунай« остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, яснѣ, живѣе и общите были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дунаемъ. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ союзомъ своимъ Древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточеною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были одинъ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвью Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычая, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что припадало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встречается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: »о Мар-

кѣ Кралевичѣ» встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узнавъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о «Левенченкѣ». Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія «кровосмѣсителя»; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказанияхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событий, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ однаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ миѳологическихъ преданий, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримеръ, описание, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ кубушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвай матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторіи похожденій божества, преданія о змѣяхъ и королевиахъ и о борьбѣ съ ими богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обряды и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримеръ, Кушальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводные пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что, въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычай и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримеръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникъ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссийскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной миѳологии, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что дѣжалось въ Арконтѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

ологической имена, теперь уже исчезнувшія у нась и известныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является мифологическимъ именемъ у нась, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, пзвѣстное по Сербскимъ иѣнамъ, въ древности давалось и у нась фантастическимъ существамъ, какъ доказывается слово Христо-любца; также точно открывается, что Берегиня, богиня Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славой и Людка, по Краledворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти и змы, было и у нась, какъ показываетъ название купальниаго древа Марепы. Прочитавъ въ «Любушиномъ Судѣ» описание, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженнай дѣвами, державшими символические знаки, мечь и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь,—невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидѣтъ на посадѣ, а передъ ними два символическихъ лица держать: одно—мечь, а другое—свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣсть съ христианствомъ, общія Славянамъ начала общественного строя. Вѣчевое начало было юное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является вѣче, народное соборище. Самое выраженіе вѣче есть название общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Киевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же название самого драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорить о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Мавrikій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русской народѣ. Уже одно общее имя вѣча у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собрания народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ иѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собранихъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычай, не только дознаніе и религіозные, но и общественные, по сходству началь своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства именія Русско-Славянскаго.

Несмотря на различіе русскихъ народчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобы каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣть въ другомъ единонлеменномъ, соѣдненъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иночлененішковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единстве, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встречается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣцемъ или Татариномъ. Такъ, въ древности, Поляши, встрѣчаясь съ Нѣченѣгомъ, долженъ былъ замѣтить, что съ нимъ у него нетъ сходства въ языкахъ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народы на нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящими ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по соѣдству одночлененія народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова, которыхъ теперь составляютъ достояніе только частныхъ народчій. Чѣмъ касается до связи между собственно Русско-Славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семье Славянскаго рода. При ознакомлении съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось передъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русского материка между собою, чѣмъ каждого изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіемъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другого Славяна. Эти признаки сохранились въ нашихъ языкахъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существование особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *o* и *e*, съ перемѣнною *a* въ *o*, тамъ где въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *правъ — поровъ*, *o* вместо *e*, въ словахъ: *олень, одинъ*, вместо *елень, единъ*; окончанія на *тъ* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительного наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народца видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣти, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣедалекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Стой языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самая близкая, хоть иѣсколько отличная по говору, вѣти народа, могла скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, постѣнія, болѣе отдаленные, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти трети, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобы и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и тѣкъ могла образоваться съ ними связь, иѣсколько уже слабѣшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Витичу; Галичанинъ ближе къ Волынцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу: и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волынью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговомъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живущимъ.

щаго Болгарина или Поляка. Киевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волынцамъ, по въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волынцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Паконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Киевлянами, Древлянами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждого изъ нихъ съ Вятичами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвитча, по въ отношеніи Киевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвитчомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слиянію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно однаково близки и однаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою инонплеменниковъ.

Намъ возразить въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которая, можетъ быть, возникли уже впослѣдствіи. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусского языка была ис очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшишаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или бесходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составился позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорять именно тамъ, где были Кривичи, и вся страна, где говорить имъ теперь, образовала Землю Кривскую, созиавшую свое единство и отличие отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ некоторые думали, отъ смѣшанія Великорусского съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Русси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смысли? Отъ чего жъ эта смысли сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобы усвоить смысли одинаковы съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлоруссии, такъ и въ Южно-русскомъ народчіяхъ есть вліяніе польского элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссии и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ кратѣ. Вместо княжествъ, въ удѣльные времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля,—система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь,—и такъ вошли въ владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное народчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки; гдѣ Дулѣбы и Вельшяне—тамъ Волынцы,—тамъ была система волостей Волынской земли; гдѣ Хорваты—тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Волыни образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волыни особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровской нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волынь,—такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волынью, чѣмъ съ Русью Киевскою. Но Украина по-Днѣпровской не имѣть, однако, отъ Червоной Руси на столько оттѣнки, чтобы между ними потерялась связь единонародности; такъ и въ удѣльный укладъ, несмотря на явленія, противодѣйствующія слитію Червоной Руси съ Русью Киевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сфере. Всѣ оттѣнки Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

но сравнению съ другими такими же грушами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографические особенности совершили сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльного уклада, и всѣ эти этнографические особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и книжескія и волости ветарши составляли одинъ общий разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, где могло быть одно географическое отношеніе соединенныхъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и не-
сториано склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Киева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, по всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствиемъ, съ готовностью склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкие, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, вносядѣствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственный мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобы признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлять вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Киевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Киева Землею. Признаки Новгородского нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русского: *и* вмѣсто *ль*, *и* и *ы* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е* — йому, його вмѣму, его; *у* вмѣсто *в*, *h* вмѣсто *g*, отбрасываніе *и* въ творительномъ падежѣ множественного числа (*вм. свои.иа* — *свома*), перестановка словоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. *камастиръ* вм. *монастырь*), сохраненіе *o*, памѣнскаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *a*, отбрасываніе *тѣ* въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголовъ, *тѣ* вм. *тѣ* во множественномъ числѣ (будутъ вм. будутъ), перемѣна *e* въ *o* послѣ шипящихъ, напр. жона вм. жена; устѣченный окончашія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличие: *и* вм. *z*. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчіи показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прийдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ никогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, внослѣдствіи, совершилась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ нерожденія финскихъ народностей, и примились татаръ, происходили гасильственныя административныя переселенія, наконецъ двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусский край, имѣютъ до сихъ поръ различную физіономію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому — развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Так же точно представляются, въ этомъ отношеніи, различными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятичей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ удивить въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно позѣстные. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и записались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительного изученія. Говорили о томъ, что есть, не говорили чего неѣтъ у однихъ изъ того, что есть у другихъ. Съ цѣллю изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно паслѣдовати и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчіи, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографические виды, показать ихъ взаимные переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было первомъ — физіономія народа, подобно тому, какъ нельзѧ исконъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобы можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здесь для того, чтобы показать, что разнобразие наречий связывалось первостепенно и второстепенно близостью путь, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и созиція единства въ разнообразіи.

Съ пришествіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общий языкъ — книжный, и это была новая сильнейшая связь Русскихъ народовъ, прочинѣйший залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже признать, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вѣтѣсь съ потребностью высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣти народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; события старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ — записывалось тѣмъ же самимъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языке, не обращая вниманія на то — изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Така книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червонорусами, составлявшими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими поэтическими условіями, подобно частяхъ Русского народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянского языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнейший двигатель сродства племенъ и взаимного братства. *Лыжъ* доставилъ намъ единство. — По самъ по себѣ языкъ не былъ достаточенъ для воспроизведенія единства политического. Онъ не могъ даже выгнать, истребить и замѣнить собою наречія, во-первыхъ потому, что, до извѣстной степени, въ некоторыхъ отношеніяхъ было столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ общенной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сфере, подвергался напыту послѣдней, какъ это видно въ лѣтоисчислѣ, которыя, благодаря не полному умѣнию лѣтоисчислѣвъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ памъ живущесть народного слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ бытъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобы каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ бытъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, бытъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновеніе привыкли (издавна это ведется) жалѣть обѣ удѣльной системѣ, жаловаться на ея беспорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственno грубостю и невѣжественностию вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе бытъ единымъ. Именно, только этимъ поддеяжалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, существѣ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большему единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе виослѣдствіе Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянныя, раздѣленныя одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобы и у того и другого народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознаніе взаимнаго родства получало себѣ пищу. Исскать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ? — Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на формирование у Славянъ понятій обѣ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Ниренсевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германии и Италии своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественного строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственного быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извѣтъ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикова рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣшимагоничѣмъ, способа соединенія частей: предѣль его былъ уже видимъ. Съ развитіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развитія съ народными дѣлами, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало вслѣдъ наверхъ и взяло перевѣсь надъ княжескимъ. Вместо того, чтобы князь наслѣдовалъ, онъ избирался толпою; вместо того, чтобы быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ономъченіи городовъ Киринской земли, изъ двухъ городовъ — Витебска и Полоцка — начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ — не князя. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались защищать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся вѣтъ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV — XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношения къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ которого только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ — Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управления — каждою родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздействиіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей форме — единоп-

державю московскому, то, безъ этого воздействиа, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сача изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья различались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ иль родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владимировича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Земль, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Донъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ образовалъ книжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—самостоянно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверский былъ ближе къ Черниговской, чѣмъ къ Киевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ съ Киевской. Но князь Сѣверский не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговские. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: «я не Угринъ, я не Лахъ, мнѣ часть въ Русской землѣ», такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Лахъ, не Угринъ, что ему часть въ той широкой землѣ, где Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалицъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однороднѣками, князь въ то же время имѣя дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бяшеть бо ему тѧжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ соседомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвию общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашня, а не вѣщня, война. Этимъ сознаніемъ сродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушений Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльного порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ всѣ вѣсти

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣлѣніи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали до прибытія Рюрикова дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевскаго князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершеншомъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевскаго князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждоѳ иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣшителей. Географическій условій и необходимость постояннаго отбоя отъ непрѣятелей не позволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершеншое разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы менѣе, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такие намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія постыдствія якияжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибы не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжны, и были бы гораздо жесточе, губительнѣе, разрушительнѣе. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанию народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Сузdalскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздалцевъ въ Кіевѣ. Всякий, кто ворочался домой, рассказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—разширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *своё и чужое*.

Н вотъ, тѣ, чѣмъ первого взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенные государства. Пародъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между ними гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покой, Москвичъ забывалъ, что Литвина-Бѣлорусъ его — кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ соѣдними-единоплеменниками.

Въ числѣ началь, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ея единству — безпрестаныя непріязненные отношенія къ иноплеменникамъ, сковавшимъ или огъдымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-русскими; а другая на противъ — кочующая, нападающая, въ образѣ Полovцевъ и ихъ кочевой брати, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ — завоевательная и поработительная. Нѣть сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданственной стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свое несогласіе и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русского народа образовалось понятіе, что есть такие народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарского завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впослѣдствіи, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество казаковъ съ цѣлью противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половины Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе действовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими иѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Чеченѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ нѣвѣрныхъ Полоццевъ, когда русскія дружины ходили, въ пхъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она пришла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго пга при Дмитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями вѣтшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенные ненависти; огнь разыгрывается вѣками, то утихаютъ, то разгораются отъ обстоятельствъ, то засыхаютъ, то вновь пробуждаются, проходить черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направление народнымъ силамъ и топъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ та-кія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чemu не можемъ доскакаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда иѣтъ ничего положительно-достовѣрного.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ позапамятныхъ временъ — къ племени Іѣменскому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣть на Іѣменское племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Ему въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственного крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новгорода и Пскова отличались и Суздалцы, и Смоленяне, и Полочане. Съ своей стороны, Іѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участіи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Іѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Ильицемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представлениe о чёмъ-то тяготѣющемъ, высокомърномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Судалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важѣйшия звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со временемъ ся введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстрой распространеніи вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, миръ Русско-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многие другие народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для возвращенія единства народовъ русского мира, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такие элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую санкцію и въ то же время были въ равной степени общі для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственные понятія и ввела единые богослужебные обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что выше ея по духовному смыслу и, следовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздалѣ, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содергать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренилось въ каждомъ понятіе, что святыя его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русского народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ сѣсть или стати, єсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, следовательно, общія для всей Русской Земли. Возникли монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на сколько каждый былъ православный Русский. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній — Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнью. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почпвающіе где бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось наимличество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическая понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое возарѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщею для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычай его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, тѣкъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служитъ Русская Правда — сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаются были прежде. Но съ народнымъ разнообразiemъ Русь не скоро могла дойти до возвращенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русского материка было слишкомъ много, для каждого изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какоенибудь единство для всѣхъ частей; следовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычай и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренились бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и наслѣдий, не скоро уступили бы мѣсто чѣму-нибудь болѣе общему. Коричная, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательного единства и общности права.

Въ этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣль, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налагало на народъ своею нравственnoю силой и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новые, общія и равные для всѣхъ частей русского міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были виѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и тоже, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностю, непривязаннаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единстве русского народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ быть жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ расприяхъ обращаясь къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоустановленія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ влияніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: «се иноплеменники отъали отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися.» Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номокону, мѣстѣ изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и следовательно, должны были выѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и решеніе дѣлъ естественно должны были зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ гречес资料, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти суды — были ли они князя или туны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, где содержались готовыя решения на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда решение иль, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для суды, ставшаго въ тушикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владимиrъ святой совѣтовался съ епископами обѣ устроеніи земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номокона, не только въ церковной, но и въ гражданской сфере. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управления и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавлениями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управлении и судѣ простидалось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинаковыми послѣдовательно для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Киевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами разширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челе народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а учение, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ права родового старѣшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіи съ правомъ вольного народного призыва. Андрей утвердился во Владимирѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремлениі къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Иоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что «народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...»

Аристократические зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивавшись у насъ отъ византійскихъ початій о противоположности благородного происхождения однихъ и низкаго званія другихъ. Вмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единимиъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ запесень изъ Византіи апостолъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія сплы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаше безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычасвъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые внѣдились въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на все изложенные здѣсь начала, способствовавшія поддержанию и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобы скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливавъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть, на право управлениія Землею. Великое пространство препятствовало слитію народнѣй, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ растѣ и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощущительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народа новымъ, роднымъ понятіямъ много вліяній и участія перкви. Пока изъ первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, — власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то вибраннымъ, перерабатывающимъ народа и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народные привычки проводились чрезъ монашескія мантии, а Русскій народный умъ проглядывалъ позъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенные отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были следовать правиламъ того уклада, среди которого жили и действовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя позъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, иаконецъ,—женатое и, следовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивеллирующаго византизма.

И вотъ, началя, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльного уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ единодержавія.

Н. Костомаровъ.

1860
Февраль.